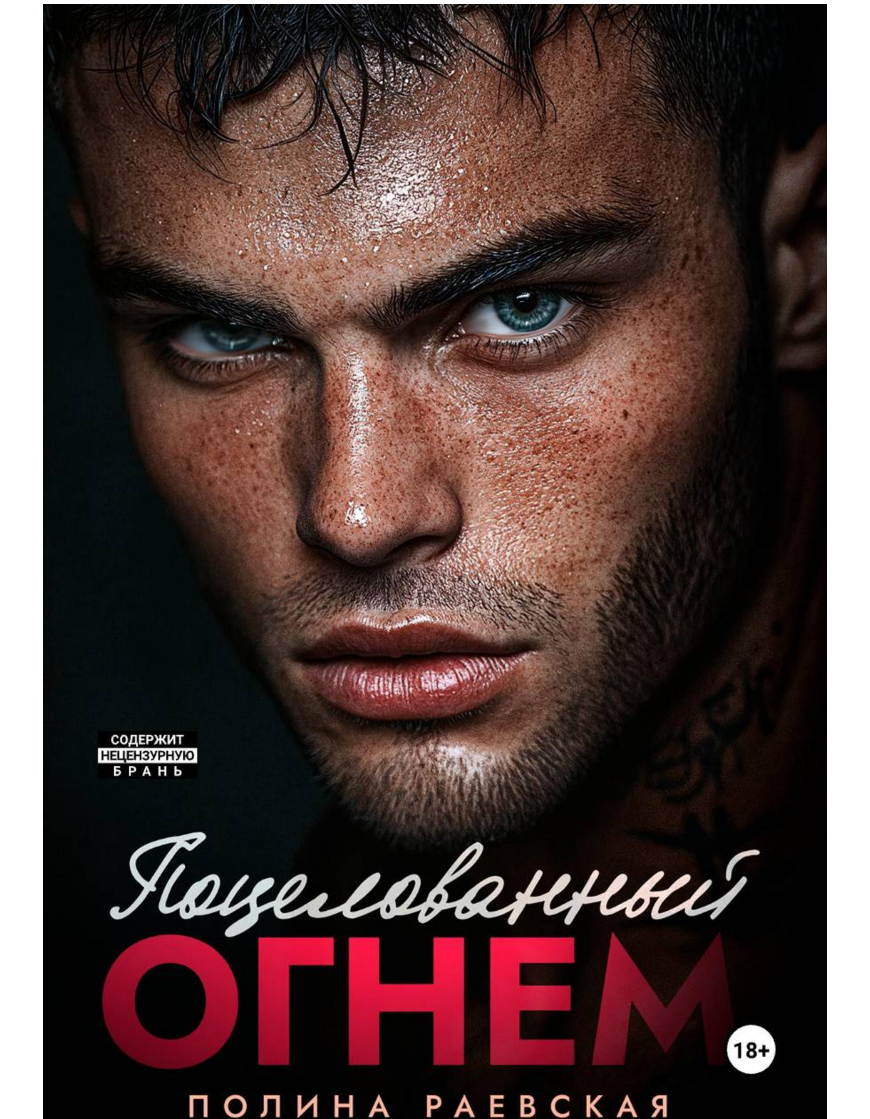

A close-up, high-contrast portrait of a man with dark, slightly damp hair, freckles, and intense blue eyes. He has a light stubble and is looking directly at the camera with a serious expression. The lighting is dramatic, highlighting the texture of his skin and the intensity of his gaze.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Поцелованный
ОГНЕМ

18+

ПОЛИНА РАЕВСКАЯ

Полина Раевская

Поцелованный огнем

<https://litres.ru/74021748>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я все еще хочу тебя. Я все еще охренеть, как сильно, хочу тебя! Я хочу быть для тебя кем-то большим, нежели просто мальчиком для перепиха. Хочу называть тебя своей и иметь возможность сказать всем тем людям, чтобы они отвалили к чертям. Я хочу быть твоим. И прямо сейчас я в том состоянии, чтобы, наконец, сказать это вслух, но при этом все еще помнить, что ты не хочешь ничего из этого. Так что извини! Мне дико жаль, что я пытаюсь двигаться дальше.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Лариса	5
Глава 2. Лариса	12
Глава 3. Лариса	19
Глава 4. Лариса	27
Глава 5. Лариса	35
Глава 6. Богдан	41
Глава 7. Богдан	48
Глава 8. Богдан	55
Глава 9. Богдан	63
Глава 10. Богдан	71
Г	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Полина Раевская

Поцелованный огнем

Глава

Аннотация:

Глава 1. Лариса

Почему-то я была уверена, что это еще не конец, что Красавин, как всегда, остынет, позвонит, приедет, и у нас будет возможность, если не отмотать назад, то хотя бы поговорить нормально.

Но шли дни, а от Богдана не было ни сообщения, ни намека на желание продолжать что-либо. И это... удивило, задело, а после подкосило.

Оказывается, я не ожидала. Хорохорилась, конечно, бравировала, играла в невозмутимость и непробиваемость, а на деле абсолютно не была готова к такому повороту событий.

Когда паника, охватившая меня, стоило осознать свои чувства к Красавину, отступила, и я осталась один на один с последствиями своих страхов, будто шоры спали.

Что я наделала? Зачем? Все ведь действительно было хорошо. Но, видимо, в том и проблема: когда у человека хорошо, он непроизвольно начинает искать, где у него плохо. Он же создан выживать и бороться, а когда не надо бороться - это непорядок и беспокойство. Такое, понимаешь ли, эхо естественного отбора. Ну, или просто я - дура трусливая.

Признать это не то, чтобы сложно, но к принятию всегда приходишь не сразу. Сначала продолжаешь ерепениться, отрицать, мол, ну и ладно, и даже хорошо, все равно ничего бы

не получилось.

Гонишь его, гонишь из мыслей, а в сердце-то он уже давно прижился, и ты только и делаешь, что телефон из рук не выпускаешь, боясь пропустить сообщение. И так раз, два, неделю, пока не приходит злость, полная сарказма и яда.

Вот, значит, как ты меня любишь?! Хороша же любовь - слиться после одного отказа!

Пусть это в корне несправедливо, неверно, но так хоть немного... хотела бы сказать, легче, увы, нет. Просто не рвет так сильно на куски и то лишь до поры - до времени. Ведь однажды снисходит принятие и все...

Не остается ни злости, ни бравады, ни страха, одна лишь любовь и понимание, что у всего есть предел. У терпения тоже. И я не имею никакого права обвинять Богдана в чем-либо. Он не виноват, что мой страх оказаться не такой особенной для него, на протяжении наших отношений только и делал, что заталкивал в дальний угол его отношение и обесценивал поступки. Пока Богдан говорил мне всеми способами о своих чувствах, об их серьезности, я сама - только о своих сомнениях. Сомнениях в себе, в наших отношениях, да во всем. Так какого черта теперь плачу, предъявляю претензии, иронизирую?

Ах, не стал бороться, слился, любит не по Шекспировским канонам, а сама? Люблю, борюсь?

Только, если против самой себя. Вопрос «ради чего?» нет-нет, да возникает, глядя на детей.

По окончанию рождественских праздников они возвращаются в свою привычную, насыщенную друзьями, увлечениями, учебной жизнью, и я становлюсь в ней предметом домашнего обихода, про который вспоминают исключительно, когда он понадобится. Обид это не вызывает, но вот тоску и тот самый вопрос - очень даже.

Нет, я безусловно рада, что у моих детей все хорошо и спокойно, к тому и были все мои стремления, но будучи одна за ужином в огромном, пустом доме, невольно начинаешь думать, как все могло бы быть...

Впрочем, думаешь постоянно: читаешь новости, засыпаешь, глядя на совместные фото, с комом в горле прокручивая в голове каждый момент, когда были счастливы вместе, ищешь своего мальчика в каждом мужчине, ходишь в те рестораны, которые он любит, проезжаешь мимо его клуба, лишь бы только краем глаза, на секундочку увидеть, но, видимо, те крохи удачи, что у меня были, Богдан забрал вместе с собой, оставив лишь горечь и неизбывную тоску.

Тоску по его бархатному голосу, хвойно-цитрусовому запаху, горячим прикосновениям, по его задорной, мальчишеской улыбке, залиvistому, громкому смеху и теплему, лучистому взгляду, от которого все внутри цвело и пело.

На фото в светской хронике с прошедшего благотворительного вечера он серьезен, хмур, отчужден, под ручку, видимо, с той самой, упомянутой «защеканкой», и все во мне не просто противится, оно собственнически рычит, парал-

лельно скандируя «дура, дура, дура!».

Какое-то время я не оставляю попыток забыть Красавицу. Работаю, как сумасшедшая, тренируюсь, затеваю даже небольшой ремонт в доме, а потом смотрю на себя измочаленную в зеркало и признаю, что внутренний голос скандировал не зря.

Как? Ну, как можно такого мужчину забыть? Как его разлюбить и допустить мысль, что все истлеет и придет кто-то другой, подходящий? Будто кто-то мог быть ему ровней.

Да ко мне в жизни никто, ни разу не относился с такой заботой, нежностью и пониманием. Это не заменишь, не вытравишь и не сотрешь. Впрочем, я перестала пытаться, просто плыла по реке тоски, скучала до иступления и любила, любила, любила, понимая, что не могу без Богдана. Не дышу, не чувствую вкусов, не различаю дней.

Но были и несомненные плюсы: любовь к нему делала меня чуточку смелее и решительнее. Так, наконец, случился откровенный разговор с Анри о том, что у меня уже есть любимый мужчина, и открыта я исключительно для дружеских отношений, которые мне очень бы хотелось сохранить с Патэ.

Честно, я была готова к самому худшему исходу событий, но Анри приятно удивил, заявив, что рад, что я решилась сказать правду, ибо наблюдать за моими попытками усидеть на двух стульях, ему было крайне неприятно и только по этой причине он обдумывал дальнейшую судьбу нашего сотруд-

ничества, поскольку неконкретные, юлящие люди - так себе бизнес-партнеры.

Сказать, что я испытывала неловкость во время этого разговора - не сказать ничего, но его итог будто снял с моих плеч огромный груз и, оказалось, что общаться с Анри Патэ действительно приятно, когда все точки расставлены над «ё». Решив окончательно закрепить наши отношения в статусе «дружба», я пригласила Анри на свой день рождения и, получив его согласие, впервые за много дней ехала домой с легким сердцем. Правда, мое приподнятое настроение продлилось недолго, ибо необходимость сделать главный «первый шаг» давила так сильно, что я не могла ни спать, ни есть. Впрочем, меня и без того подташнивало периодически, хоть за всеми переживаниями я все время отмахивалась от этого тревожного звоночка.

Все, что волновало сейчас - это бурлящий котел противоречий моего разума и сердца. Я отчаянно искала компромиссы, чтобы никто не пострадал, и ведь находила, отчего внутри все начинало трепетать надеждой. Вот только прийти с опущенной головой и просить прощения... Я не знала, как, поскольку никогда не была той, что виновата, а теперь не находила слов, ибо все они по-прежнему с оговорками. Да и тараканы все еще сжирали добрую долю моих бабочек.

Что, если уже поздно? Что, если уже не надо? Что, если это все-таки ошибка?

И еще миллионы «что если?». Мне малодушно хотелось

зарыть голову в песок, и будь, что будет в надежде, что Богдан сам не выдержит-таки и придет, но в то же время я понимала, что не могу снова ломать его гордость, ибо, как никто знаю, вместе с ней ломается все то, вдохновленное любимым человеком и ему посвященное, пока однажды не превратится в ненависть, а это последнее, чего бы я хотела в наших отношениях.

И пусть мне страшно до безумия, но я еду в питомник, выбираю самого миленького, гипоаллергенного Йоркширского терьера и решаю, что дам себе еще немного времени, а после поеду и подарю Богдану. Он же хотел собаку...

Глупо, конечно, но вряд ли из нашей ситуации есть какие-то удачные для моей гордости выходы. Да и какая гордость, если без него свет не мил?

Словно в ответ на все мои сомнения, Денис приезжает из школы взбудораженный и с горящими радостным блеском глазами.

— Мам, представляешь, мне звонил тренер и сказал, что я могу вернуться к тренировкам?! - объявляет он и, протараторив, что сейчас быстро соберется и поедет, убегает к себе в комнату.

У меня же внутри все переворачивается вверх дном, сердце колотится, как оголтелое, а на губах расцветает такая же, как у сына до сумасшествия радостная улыбка.

Не забыл мой мальчик, решил проблему. Что это, если не знак?

Кое-как дождавшись позднего вечера и, когда сын, вернувшись с тренировки, отправится спать, еду в питомник, забираю щенка и мчусь к Красавину домой, вцепившись трясущимися руками в руль.

То, что Богдан может быть, где угодно, как-то приходит на ум запоздало, но заметив вереницу дорогих машин, выстроившихся на улице и грохочущую из дома музыку, понимаю, я тут со своим подарком ни к месту, но, если не решусь сейчас, не решусь уже никогда. С этой мыслью выхожу из машины.

Глава 2. Лариса

Сделав несколько неуверенных шагов на автомате, замираю и, покачав головой, едва не начинаю смеяться.

Господи, я, похоже, окончательно рехнулась! Что делаю?

Там ведь наверняка толпа ребят из боксерского клуба. Не хватало еще, чтобы снова какие-то слухи поползли. Да и вообще... Что я забыла на вечеринке, на которую меня никто не приглашал? Я там никого не знаю, а Богдану сейчас точно не до моих излияний и странных подарков.

Представив себя, пробирающуюся сквозь пьяную, танцующую толпу с щенком на руках, хочется съежиться. Выглядит это все максимально неловко и глупо.

Нет, лучше я как-нибудь потом.

Ставлю корзинку со спящей малышкой обратно на заднее сидение, но как только захлопываю дверь и оборачиваюсь, встречаюсь взглядом с идущим впереди толпы знакомым, чернокожим парнем, которого часто видела в компании Богдана.

— О, мамочка Ло, ты тоже здесь! - кричит он радостно на всю улицу, пьяно размахивая бутылкой шампанского.

Я краснею от недоумения, возмущения и еще кучи негативных разом эмоций, обескураженно открываю рот, сама не зная, что хочу сказать. К счастью, никто от меня никаких

ответов не ждет.

Толпа молодежи просто подходит, окружает, и какие-то девочки в коротеньких шортиках, подчеркивающих их упругие, накаченные попки-полочкой под задорное «Айда с нами тусить!», приобняв меня, дезориентированную и ни черта не понимающую, ведут в эпицентр веселья.

Я бы воспротивилась, если бы не пыталась лихорадочно понять, что значит это развязное «мамочка Ло».

Обо мне известно друзьям Красавина? И в каком ключе, интересно? Что, если все не так, как мне казалось? Мало ли какие приколы у молодежи...

Прежде, чем меня начало заносить, мы подходим к охране, и друг Богдана объявляет:

— Братан, пропускай. Лучшие девочки для нашего чемпиона. Зацени булки!

Темнокожий с размаху отвешивает стоящей рядом шатенке шлепок, отчего она, взвизгнув, хохочет, а после по команде крутится вокруг своей оси, кокетливо демонстрируя себя, словно вещь на витрине. Охранник закатывает глаза и дает отмашку, чтобы проходили. Девочки, смеясь, гуськом устремляются на территорию дома, у меня же глаза лезут на лоб.

Я не ханжа, и прекрасно знаю, как развлекаются богатые мужики, но меня всегда поражают девочки, с энтузиазмом готовые стать куском мяса на их празднике жизни.

Не представляю, как у девчонок получается с легкомыс-

ленной улыбкой принимать к себе такое отношение. Я бы точно не смогла. И не потому, что особенная, просто у меня такой брони нет, да и легкости тоже. От того, пожалуй, и все мои проблемы.

Охрана, узнав меня, как-то подозрительно переглядывается, но, невербально посоветовавшись, делает приглашающий жест рукой. У меня же все внутри начинает дрожать. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что я увижу, войдя на территорию дома, но давать заднюю уже как-то... неудобно, хоть и безумно хочется.

«Неудобно на потолке спать!» - язвит внутренний голос, пока я сомнамбулой врываюсь в это царство полуголых, молодых тел, накаченных кто чем и предающихся тут и там разврату.

Все, что я ожидала от новогодней вечеринки получаю здесь с лихвой, чувствуя себя не просто лишней, а будто с другой планеты. Даже молодой меня с трудом можно было бы представить на подобном сборище, ибо это самая настоящая вакханалия.

Не в силах удержаться, брезгливо морщусь, глядя, как молоденькая блондинка раз за разом на потеху толпе выпрыгивает из бассейна, оперевшись ладонями о бортик, пытаясь ртом поймать зажатую между пальцами ног какого-то прикурка купюру, пока ее обнаженную, подпрыгивающую при каждом рывке грудь поливают пивом, попадая параллельно в рот, в глаза, в нос девушке, отчего она закашливается и,

само собой, остается ни с чем, падая обратно в бассейн под хохот следящих за этим глумлением идиотов.

Не знаю, наверное, я все-таки ханжа. Девушка уже через минуту заливисто хохочет со всеми и продолжает игру, а меня передергивает от омерзения.

От мысли, что вот это вполне себе норма жизни мужчины, которому я приехала признаваться в чувствах, хочется обхватить себя за плечи и бежать.

Я понимаю, что Богдан не в ответе за других людей, и звездный статус обязывает к подобным гульбищам, но мне сейчас так некомфортно, противно и страшно, что об адекватности суждений вряд ли приходится говорить.

Я боюсь того, что могу увидеть, боюсь разочарования, боюсь боли и, что вся моя с небывалым трудом обретенная решимость окажется напрасной, и мне вновь придется собирать себя по кусочкам, пряча под броню неприступности, выращивая свой хитин на слезах и горечи.

Надо уйти! - требует разумная часть, но есть еще та - чисто женская, которая не успокоится, пока не убедится...

В чем? Хороший вопрос.

За ответом на него захожу в дом с грохочущим в такт долбящей по ушам «электронике» сердцем и теряюсь. Ощущение, будто я здесь впервые: все мигает, гудит, танцует. У меня рябит в глазах от, словно идущих волнами стен, от стробоскопов и сверкающих, блестящих топов, украшений, лиц...

Столько народу, и все такие молодые, красивые. Танцу-

ют, подпевают, хлопают диджею, целуются то с одними, то с другими, откровенно друг о друга трутся и явно кайфуют от этой жизни, от себя, от всего происходящего, а может, просто от того, что в их крови.

Меня мутит. От них или от понимания того, насколько я далека от всего этого, насколько не вписываюсь и никогда не впишусь - понятия не имею. Мне просто плохо. Вспоминаю свой танец на столе, и становится смешно. Куда мне до всех этих развязных девочек в едва прикрывающих сочные жопки юбках? Что я могу предложить, чего нет у этих ничем не обремененных красоток? Я язвительная, трусливая, злая, эгоистичная, что из этого во мне можно любить? Да и любит ли? Может, просто показалось?

На волне этих, придавливающих к истоптанному паркету, мыслей разворачиваюсь, чтобы все-таки уйти, но тут взгляд цепляется за уже впечатанный в подкорку силуэт, и мир схлопывается.

Все внутри меня ухает с огромной высоты, и я забываю, как дышать.

Смотрю на Богдана: такого сексуального, немного растрепанного от танцев, в этой простой, хлопковой белой майке, оттеняющей его золотистую, идеальную кожу и подчеркивающую спортивный, накаченный торс, широкие, мускулистые плечи, сильные, рельефные предплечья, мощные трапеции, грудные мышцы...

Я смотрю, как он раскованно и грациозно двигается под

музыку и, пытаюсь сглотнуть подступивший, острый ком. Ибо мой мальчик по-прежнему выглядит, как лучшее, что случилось в моей жизни. И пусть вокруг него выются, всячески изгаляясь и потираясь размалеванные, полуголые девки, он, закрыв глаза, не обращает на них совершенно никакого внимания, танцуя сам по себе, и от этого, по горящему, измученному сердцу бегут прохладные ручейки облегчения, а на губах расцветает улыбка.

Мой любимый, невероятный, самый лучший на свете мужчина, как всегда, не разочаровал.

Я люблюсь им, съедаю жадным, жаждущим взглядом, забывая обо всем: о людях вокруг, о своей тошноте, сомнениях, о наших проблемах и разногласиях, о том, что нужно будет что-то сказать, как-то извиниться, признать, что была не права... Все отходит на второй план.

В это мгновение есть только он - мой любимый мальчик, и захлестывающие меня с головой, чувства к нему. Жаркие, безудержные, лезущие наружу, будто дрожжевое тесто из накалированной докрасна кастрюли.

Мне хочется, плюнув на все, броситься Богдану на шею и целовать, целовать, целовать, жадно втягивая запах его кожи и шепча всякие глупости вперемежку со словами любви.

Наверное, я бы так и сделала, опьяненная радостью встречи, но, словно черт из табакерки вновь появляется этот чернокожий коротышка и, толкнув Богдана в бок, указывает на меня.

Падаю в грозовую синеву, как в пропасть без страховки и ловлю дежавю. Только вместо игривой ухмылки и вызова во взгляде, окаменевшее в миг выражение лица и сурово поджавшиеся губы.

Сглатываю тяжело, по телу пробегает озноб непонимания и паники. Особенно, когда Богдан, никак более не отреагировав, на мое присутствие, достаёт спрятанную за ухом сигарету и, зажав губами, разворачивается и уходит куда-то вглубь дома. Я же стою посреди танцующего моря людей и не знаю, как это понимать.

Что это вообще значит? Следуй за мной или иди на хер?

Глава 3. Лариса

У гаража с красавинским автопарком из семи премиальных машин музыка долбит не так сильно, но лучше бы долбила, ибо это удушливое, нарочитое молчание выкручивает все нервы.

Богдан, прислонившись спиной к подъемным, гаражным воротам курит взятяг и, прожигая нечитаемым взглядом, явно не собирается облегчать мне задачу.

Наверное, надо было все же пойти «на хер», а не стоять сейчас, словно провинившаяся школьница и не находить слов. Точнее, находить их так много, что все они застревают где-то в горле острым комом, сдавленные, будто удавкой, исходящим от Богдана холодом.

Я пытаюсь собраться с силами и мыслями, пытаюсь успокоить дребезжащий пульс, побороть гипервентиляцию, от которой перед глазами все слегка плывет, но в итоге дышу еще чаще и ни на чем не могу сконцентрироваться. Заламываю невротично похолодевшие пальцы, открываю рот, чтобы выдавить что-то неловкое, но взорвавшийся неподалеку хохот сбивает, будто кегли хаусболлом, остатки моей решимости. Прикусив нижнюю губу, отвожу взгляд и усмехаюсь. Такая нелепость.

— Ну? Долго еще чалиться будем? Учти, я добыю и свали-

ваю, - не выдержав-таки, бросает Богдан раздраженно, словно я его жутко утомила, отчего внутри все съеживается и потихонечку заползает в самый дальний уголок. Красавин же тяжело вздыхает и спрашивает. — Зачем приехала?

Вспомогательный вопрос звучит не помощью, а претензией, и пусть я прекрасно понимаю, что этот налет пренебрежения и язвительности вынужденный, чтобы прикрывать рану, которую я оставила своим «молчанием», мне все равно не легче, поэтому от волнения начинаю издали:

— Поблагодарить... за сына.

У Красавина приподнимается бровь, а губы кривятся в злой усмешке.

— Сообщения писать не пробовала?

Резонное замечание. На которое мне в очередной раз нечего ответить. Вообще моя готовность к этому разговору оставляет желать лучшего.

Когда Денис сказал, что вопрос с клубом улажен, я и подумать не могла, что меня ждет такой прием. Мне самонадеянно казалось, что достаточно будет просто приехать, а там Богдан, как всегда, все возьмет в свои руки.

Знаю, звучит ужасно эгоистично, но дело не в гордости или самолюбии, просто я привыкла позволять партнеру вести в отношениях, и не умею иначе. Не умею проявлять инициативу, просить прощение, говорить о чувствах. Никому они раньше не были интересны, а теперь никто не собирался облегчать мне задачу и делать скидку в честь первой «покуп-

ки». Поэтому тяжело сглатываю, пытаюсь за хищным прищуром разглядеть отголосок хоть какого-то теплого чувства.

Пусто, надо учиться делать первые шаги босиком по острому льду. Само собой, они выходят неуклюжими, неровными, ломаными.

— Хотела лично... - произношу едва слышно, потупив взгляд.

— Лично? Чтобы что? - тянет Богдан насмешливо и тут же припечатывает издевательски- похабно. — Встать на колени и взять в рот? Или что входит в личную благодарность?

Кровь с размаху бьет пощечинами, я вскидываю голову и напарываюсь на глумливую усмешку на любимых губах. Перед глазами тут же встает мерзкое лицо того дальнбойщика из девяностых, и меня передергивает от мысли, что и Красавин туда же. Невольно думаешь, то ли у мужиков одна прошивка на всех - низводить любой вопрос до своего дражайшего члена, - то ли мне просто везет на придурков.

— Не смей так со мной разговаривать! - цежу сдавленно, прожигая Богдана полным негодования взглядом.

— Не нравится - выход там, я тебя не держу, - возвращают мне грубо мои же собственные слова двухнедельной давности.

Наверное, это справедливо, и я заслужила, но в моем расшатанном состоянии полнейшей уязвимости, отнестись с пониманием - выше моих сил. Смотрю в красивое, фальшиво - безразличное лицо, и горло перехватывает острой удавкой,

хоть и знаю, что Богдану отнюдь не все равно.

Но именно это и цепляет, пугая до озноба. Та горящая огнем решимость на дне горечавковых глаз, она не оставляет ни единого шанса. Только щемящую боль и сожаление, пекущее глаза, заставляющее развернуться и уйти до того, как позорно дам слезам волю.

— И все? Благодарность закончилась? - несется мне вдогонку колкий смешок. — Разок задели и побежала, трусливо поджав хвост?

— А что я должна делать? Выслушивать грязь? - круто развернувшись, парирую яростно, чем вывожу- таки Красавина из себя.

— Ничего! - выплевывает он, скривившись от гнева. — Не делай ничего, как ты и привыкла.

Он отбрасывает окурок и надвигается на меня, будто цунами, преодолевая расстояние в три стремительных шага, и меня сносит нескрываемым презрением во взгляде, задевая за живое.

— Я приехала к тебе, сама! - повышаю голос в попытке то ли оправдаться, то ли достучаться, ибо он, как никто, должен понимать, насколько это тяжело для меня. Но Красавин больше не собирался быть понимающим.

— Охуеть - одолжение! Красную дорожку выкатить? Или что? Что тебе от меня надо? - чеканит он в бешенстве, угрожающе нависнув надо мной, обдавая амбре из алкоголя, парфюма и сигаретного дыма. — Потрахаться захотелось? Ну,

так найди себе пердуна по возрасту, тебе же это, пиздец, как важно. Или что, член помоложе все-таки вкуснее?

— Не опошляй. Я понимаю, что обидела тебя...

— Ты меня не обидела, дроля. Ты меня заебала! Какого черта ты приперлась? Ты же в последнюю встречу так распи-налась: затирала про то, что нам никак и ни за что. Несла всю эту херню про своих детей, про мою медийность, про то, что люди скажут, а теперь стоишь тут - глазки в пол, мнешься, как долбанная ромашка. Что изменилось? Дети твои вырос-ли, род человеческий вымер или с чего ты вдруг такая сме-лая нарисовалась?

Мне нечем крыть. Только стоять ромашкой, которой без-жалостно обрывают лепестки, даже не спрашивая «любит или не любит».

— Ни с чего. Просто...

— Что «просто»? Не бывает у тебя «просто», только с ка-кой-нибудь припиздью! Ну так давай, жги или свали уже и не порть мне вечеринку. Я и так просрал из-за тебя несколько месяцев своей жизни.

Это пренебрежение отдается уже не просто болью, а вы-бивающим дух, унижительным ударом под дых, задевающим за пока еще живое, но уже изрядно раненное.

— Вот как... - кривлю губы в привычном оскале, наско-ро прикрывая то уязвимое и скрытое ото всех, которое впер-вые за много лет робко приоткрыла, поверив, и которое те-перь жестоко топчут. — Извини. Не подумала, что вечерин-

ка важнее женщины, которую ты якобы любишь.

— На хуй эту любовь! И на хуй эту женщину! - отрезает Богдан безжалостно. В его глазах столько невысказанной злости, обиды и даже ненависти, что я все -все понимаю, ибо знаю все эти чувства. Видела каждый день на протяжении двадцати лет в отражении. И уже поздно что-то менять, в чем-то признаваться. Я действительно извела, измучила, достала, да и предложить мне нечего, кроме себя несуразной, только-только захотевшей научиться быть чуточку открытой.

— Ладно... я поняла... - сглотнув острый ком, отвожу опустевший взгляд.

— Ни черта ты не поняла.

— Возможно. Но мне правда жаль, что я испортила тебе вечер и...

— Да пошла ты с этим пафосом! Просто иди на хрен! - взрывается Богдан, заставляя меня чуть ли не подпрыгнуть от неожиданности и накатившего страха, когда он хватается меня за плечи и встряхнув, будто куклу, яростно цедит прямо в лицо. — Я люблю тебя суку! Это ты хотела услышать?! Ну, так слушай. Да, я люблю и я все еще хочу тебя. Я все еще охренеть, как сильно, хочу тебя. Я хочу быть для тебя кем-то большим, нежели просто мальчиком для перепиха. Хочу называть тебя своей, хочу иметь возможность сказать всем тем людям, чтобы они отвалили на хуй. Я хочу быть твоим. И прямо сейчас я чертовски пьян, чтобы, наконец, сказать это вслух, но достаточно трезв, чтобы еще помнить, что ты

не хочешь ничего из этого. Так что извини! Мне пиздец, как жаль, что я пытаюсь двигаться дальше.

Он отталкивает меня ошарашенную этой вспышкой и всем сказанным, отчего я едва удерживаю равновесие, пока он стремительно взлетает по лестнице, ведущей на задний двор, где всюду кипит веселье.

Я же смотрю ему в спину и едва сдерживаюсь, чтобы не побежать следом, умоляя дать нам еще один шанс. Но какой смысл в этом шансе, если Богдан ставит вопрос ребром «все или ничего», а я нуждаюсь в компромиссах?

И пусть мне нечеловечески хочется согласиться на «все», я просто не могу, не имею права. Ни когда у моего сына психолог дважды в неделю. Хотя влюбленная часть меня все еще пытается предложить варианты, но все они разбиваются, стоит подняться по той же лестнице о картинку, где Красавин полулежит на шезлонге в кругу друзей, а верхом на нем сидит какая-то девица в одних купальных трусиках и что-то воркует на ухо.

У меня сердце ухает с огромной высоты, и становится нечем дышать. Богдан, словно почувствовав мой взгляд, поднимает свой и, глядя мне в глаза, демонстративно кладет ладони на талию девицы, заставляя меня криво усмехнуться - принято, любимый. Посыл более, чем понятен.

И он действительно понятен, это не попытка сделать больно, унижить или вызвать ревность, хотя вызывает и делает. Это точка. Жирная, безапелляционная, которая не позволит

мне в будущем простить, если он приползет обратно в минуты, когда станет совсем неспособен и от решимости не останется ни капельки. Вот только мой мальчик не учел, что прощать ублюдское к себе отношение любимых людей - это код моего ДНК. И я до сих пор не знаю, что с этим делать.

На сей безнадежной волне плыву неприкаянным айсбергом сквозь бушующий океан веселящейся молодежи, кусая дрожащие губы и сама не понимаю, как добираюсь до машины.

Слез нет, да и боли, как таковой тоже, какое-то онемение и пустота. Давлю на газ, петляя по холмам на бешеной скорости, пока едва не врезаюсь во встречную машину. Крики напуганных людей, и писк слетевшего с сидения щенка, отрезвляют. Припарковав машину на обочине, лихорадочно проверяю в порядке ли малыш и, убедившись, что все хорошо, беру ее на руки, прижимаю к себе, уткнувшись носом в мягкую, черную шерстку, и меня таки прорывает.

До отчаянного воя, надсадных хрипов и истеричных ударов по сидению, не приносящих ни толики облегчения, только еще большую боль и бессилие.

Глава 4. Лариса

— Мам, ты в порядке? Может, скорую вызвать? - обеспокоенно спрашивает сын, стоя под дверью гостевой ванной, пока я пытаюсь отдышаться после того, как меня нещадно вывернуло наизнанку.

— н-Не надо... все нормально, сынок, я ... - морщусь от мерзкого привкуса рвоты и, сплюнув, дрожащей рукой тянусь к кнопке слива, — я сейчас выйду и... поедем.

— Ладно, - неуверенно соглашается Денис. — Если что, зови.

— Угу, - мычу, как можно бодрее, хотя сама обессиленным комком сворачиваюсь на прохладном кафельном полу. Меня знобит, желудок сводит, перед глазами все еще летают разноцветные мушки, а я едва сдерживаю истерический хохот, имея в анамнезе тошноту после завтрака, задержку и один незащищенный половой акт с парнем, который более, чем недвусмысленно послал меня к чертям собачьим.

Чудный расклад, учитывая обстоятельства. Чуднее не придумаешь, но жизнь любит удивлять. Через пару часов прилетит моя мамочка вместе с братом и его семьей, и ей потребуется пару дней наблюдений, чтобы начать что-то подозревать, а там Людмилу Федоровну будет не остановить. Она вытянет из меня все жилы, чтобы докопаться до сути. А

суть в том, что, похоже, случилось то, чего я так боялась.

Конечно, это еще проверить надо, но у меня нет никаких сил, да и желания тоже. Во всяком случае, не перед встречей с матерью точно. Ее бы выдержать и не вздремнуть, не говоря уже о том, чтобы думать о возможной беременности.

Господи, только этого мне не хватало! Что я буду делать? Впрочем, стоит только представить последствия, как ответ, точнее приговор напрашивается сам собой, но это так... У меня пробегает мороз по коже, и я невольно кладу дрожащую ладонь на свой ввалившийся живот.

Хочется плакать, спрятавшись от всего мира под одеялом. После той истерики в машине, меня, будто выпотрошили. Ни слез, ни эмоций, ни мыслей. Полный штиль и жизнь на автомате. То ли болевой шок, то ли стрессоустойчивость, то ли многолетняя привычка - отвечать на боль невозмутимостью, но меня это вполне устраивает. Я не хочу погибаться от депрессии, думая и гадая, где сейчас Богдан, спал ли он с той девушкой, а может, с какой-то другой, не хочу анализировать свои чувства, сожалеть о несбывшемся и сходить с ума от собственной ущербности, и черт знает, чего еще. Возможно, это банальный побег от себя и позже меня накроет так, что мало не покажется, но я в кои-то веки живу здесь и сейчас, точнее - жила, ровно до сегодняшнего утра.

Теперь же...

Теперь на целых семь дней у меня есть Людмила Федоровна в виде сдерживающего фактора, который не позволит

рефлексовать о том, что я, вероятно, беременна, и через неделю мне придется поехать, и позволить себя выпотрошить уже буквально.

Вновь начинает тошнить. Втягиваю с шумом воздух и дышу по технике “4-7-8”, пытаюсь уговорить свою нервную систему. Сейчас нужно сохранять спокойствие. Потом... Я решу все потом.

С этой установкой, кое-как поднимаюсь с пола и подхожу к раковине. Смотрю в зеркало и тяжело вздыхаю. Растрепанная с осыпавшейся и потекшей тушью под глазами и впалыми щеками, выгляжу колоритно, но поскольку моя мать в любом случае найдет к чему придраться, можно особо не париться.

Однако, в сорок лет сложно менять привычки, поэтому, хоть и иронизирую над собой, а все же делаю новую укладку, новый макияж, подбираю новый ансамбль одежды в бежево-коричневых тонах, и через час выгляжу так, что королева Англии сочла бы вполне приемлемым для визита в Букингемский дворец, но у Людмилы Федоровны свои стандарты.

— Боже, ну и вид у тебя! Все висит, как на колу. Нельзя подобрать одежду по размеру, раз похудела? - обрушивается она на меня, стоит нам только обменяться приветствиями. Все на мгновение замирают, а потом начинают суетиться с еще большим энтузиазмом, но мать продолжает критику моего наряда, моей прически, моего веса. Невестка закатывает глаза, брат с шумом втягивает воздух и, передав чемоданы

водителю, бормочет что-то из разряда «началось». Мне же хочется исчезнуть.

— Спасибо, мама, ты, как всегда, любезна! - кривлю губы в усмешке и с ироничным ужасом отмечаю тот же ансамбль в бежево-коричневых тонах, каштановое каре, худобу и те же черты лица только с отпечатком вечного недовольства, и заломами морщин.

Жуть! У меня вырывается невольный смешок, что сбивает мать с толку.

— Нет, а что я не права? - начинает она привычно искать поддержку у окружающих, когда не получает ожидаемой реакции. — Такая худоба тебе совершенно не к лицу. Ощущение, будто чем-то болеешь или на чем-то сидишь. Надеюсь, ты достаточно разумна и не занимаешься подобной ерундой. С твоими деньгами, конечно, легко заскучать, тем более, в Лос-Анджелесе, говорят, каждый второй употребляет, но...

— Мама, ради бога! - страдальчески тянет брат и командует идти на парковку, за что я готова его расцеловать.

Мать всю дорогу до минивэна ворчит что-то, но я не слушаю, воркуя с племянницами. Девочки здорово разряжают атмосферу, пока едем до дома, да и обсуждение последних новостей и дел не дают матери сесть на своего любимого конька придинок и брюзжания, но ровно до того момента, как мы входим в дом. Дети сразу же бегут на второй этаж. Маринка пытается их урезонить, а мать замерев у «поля с огоньками», кривится.

— А это что за ужас?

Все внутри меня сразу же становится в боевую стойку.

— Почему ужас? - спрашиваю вкрадчиво, всем своим видом давая понять, что лучше эту тему не развивать, но, когда мамочка внимала намекам?

— Потому что совершенно не вписывается сюда и отдает дурновкусием.

— А мне нравится, - снова приходит на выручку брат, за-
мерев рядом с нами. — Сразу такая ностальгия, вспомина-
ется лето у бабы Сани в селе.

— Вот и мне, - киваю, не отрывая взгляда от кусочка мо-
его детства. Правда, сейчас, глядя на картину, вспоминается
не баба Саня и село, а Богдан и начало наших, полыхающих
огнем, отношений.

— О чем там можно ностальгировать, у нее же вечно все
было на триста замков и под запретом?! - продолжает меж
тем бухтеть Людмила Федоровна.

— Так в том и был прикол: залезть во все эти ее сундуки и
комоды, а потом бегать по всему двору, чтобы не отхватить
дрына.

— Да-да, меня еще веселило, что она вечно охает-ахает,
мол, ноги болят, а как нас прутом охаживать, так просто ко-
зочкой летала, - подхватываю я с улыбкой. Мы смеемся с Ан-
дреем, а мама, недовольно махнув рукой, уходит, задрав нос.
Брат подмигивает и приобнимает меня за плечи.

— Ты как? Все нормально? Выглядишь и правда отощав-

шей, того и гляди, ветром сдует, - он сжимает крепче мое плечо для наглядности, а я пихаю его в мясистый бок.

— Отстань. За собой лучше следи, а то скоро мамон в дверь не пройдет.

— Это не мамон, это жизненный опыт!

— А ну, точно. Смотри только, чтоб этот жизненный опыт до инфаркта не довел.

Андрей смеется и ласково обозвав «язвой», просит показать комнату, чтобы отдохнуть после перелета.

Позже мы собираемся всей семьей на террасе. Девчонки бегут резвиться в бассейн, Андрей с Дениской идут жарить мясо и овощи на гриле, а мы с мамой и Маринкой располагаемся в садовых креслах, попивая вино. Точнее - попивают мама с невесткой, а я...

Я с улыбкой слежу за племянницами, слушаю их залихватый смех, и меня накрывает дичайшей мыслью, что с топотом детских ножек этот дом становится уютнее.

Глупости, конечно, сантименты, но от вина я все равно отказываюсь.

Ужин на удивление проходит сносно. Мама, конечно, выдает пару колкостей в мою сторону, но в рамках разумного. Само собой, не обходится без замечаний на тему моего аппетита, поэтому приходится отбрехиваться его отсутствием, хотя по факту, я просто боюсь спровоцировать тошноту. Мама, конечно же, хмурится и обещает проследить за моим питанием, на что я вымученно улыбаюсь.

Все последующие дни до моего дня рождения стараюсь по максимуму проводить в офисе, чтобы меньше контактировать с матерью. Ее это дико бесит, и она в полной мере изливает на меня свое недовольство за ужином и завтраком, если успевает застать, но я держусь, хоть и на последнем издыхании, отсчитывая дни и каждый вечер пытаюсь за закрытыми дверьми своей ванной, решиться сделать тест на беременность, но в итоге откладываю до лучших времен, чтобы окончательно не свихнуться.

Двадцать первое февраля начинается с приезда организаторов праздника и шквала поздравлений от знакомых, коллег и родни. Дом превращается в жужжащий, суетливый улей и цветочную оранжерею, но я смотрю на это море цветов, и ничего не чувствую слишком измученная необходимостью держать маску, а еще угасающей с каждым часом глупой надеждой - обнаружить среди этих дежурных букетов тот самый...

Вечером не без горечи хороню надежду под черным, коротким платьем от Эрве Леру и, натянув на усталое лицо вежливую улыбку, спускаюсь к своим гостям, молясь, чтобы все это поскорее закончилось.

Никогда не любила свои дни рождения, а сегодняшний мне настолько в тягость, что я который раз задаюсь вопросом, зачем послушала Надю и все это затеяла?

Ах, да, чтобы Анри, которого, кстати, до сих пор нет, не подумал, что это намек. Кому скажи, обхохочутся. Но мне

вот вообще не смешно.

— Мам, а где Денис? - спрашивает Оля, оторвав меня от разговора с моим юристом, с которой у нас сложились вполне приятельские отношения.

— На тренировке, - отвечаю на автомате, но глянув на часы, удивленно вздергиваю бровь и начинаю волноваться, так как сын уже полчаса, как должен был приехать.

Извинившись перед гостями, поднимаюсь из-за стола и спешу к телефону, чтобы узнать, в чем дело, но тут раздается звонок в дверь.

Как назло, поблизости никого, чтобы открыть. Чертыхнувшись и натянув в тысячный раз фальшивую улыбку, иду открывать.

— Лори, прости за опоздание! Был в Нью-Йорке, и рейс задержали, поэтому так получилось. С Днем Рождения! - вручает мне Анри букет в сиренево-белых тонах, я открываю рот, чтобы поблагодарить, да так и застываю, заметив паркующуюся на подъездной дорожке знакомую до дрожи серебристую Бугатти, из которой через минуту выходит сначала мой сын, на минуточку, с разбитым лицом, а следом Красавин.

Глава 5. Лариса

— Анри, спасибо! Проходи, пожалуйста, я сейчас, - выпаливаю на одном дыхании, а потом, сорвавшись с места, мчусь навстречу прихрамывающему Дениске. Все внутри меня стынет в ужасе и шоке. Моментально забывается и измотанность, и день рождения, и все на свете.

Заклучив в дрожащие ладони отекающее лицо сына, лихорадочно осматриваю заплывший глаз, рассеченную бровь с запекшейся кровью, разбитые губы и меня просто накрывает шквалом неконтролируемых эмоций.

— Боже, что случилось? Тебе нужно в больницу, нужно сделать снимки, КТ... У тебя голова кружится? Как ты себя чувствуешь? Кто это сделал? Что произошло? - тараторю взволнованно, не зная, за что хвататься.

— Мам, да все нормально, перестань кудахтать, просто спарринговались, - отмахивается Денис и косится на Богдана, у меня же глаза на лоб лезут.

— С ним?

У Красавина вырывается смешок, Дениска же, красноречиво вытаращив глаза, едва у виска не крутит.

— Мам, ты прикалываешься что ли? Я бы не выжил. Богдан наоборот... - сын, замявшись, прикусывает губу, явно что-то скрывая, но тут же морщится от боли и раздраженно

подытоживает. — Короче, все нормально, хватит причитать.

— Нормально?! Вот это нормально?

— Мам!

— Что «мам»?! Я, по-твоему, плачу тысячу с лишним долларов за то, чтобы тебе вышибли мозги на каком-то сраном спарринге?

— Да, боже, я же сказал, все в порядке! Прекрати разводить цирк! Ты, блин, можешь хоть раз меня послушать! - срысывается Денис, покраснев от злости и смущения. Меня это настолько обескураживает и задевает, что не нахожу слов. Зато находит Красавин.

— Эй, чемпион, полегче, твоя мама просто волнуется за тебя, - вспарывает он мне вены своим бархатным голосом, выводя окончательно из равновесия.

— Да я понимаю, но... - сын пытается оправдаться и говорит что-то еще, но я не слушаю, изо всех сил стараюсь успокоиться.

— Давай, ты лучше нас представишь, - предлагает Красавин, сводя мои попытки в ноль.

— Да, конечно, - неловко соглашается Денис, и вся эта встреча действительно становится цирком. — Моя мама - Лариса. Мам, это Богдан Красавин.

Тяжело сглотнув, перевожу взгляд на Красавина, но перед глазами снова картинка, как он обнимает полуголую девушку, сидящую у него на коленях, и меня захлестывает боль пополам со злостью.

— Ага, я в курсе, две недели же за ним бегала, - язвлю, припоминая слухи, и не в силах сдержаться, добавляю еще более ядовито. — Знала бы, что сам прибежит, не утружда-
лась бы.

У Красавина дергается уголок рта в понимающей усмешке, а потом он и вовсе начинает смеяться, я не сразу понимаю, что эта пантомима для Дениса, у которого вытягивается от моих пассажей лицо.

— Мам, ты совсем?

— Мама у тебя с юмором, - подмигнув, спасает Красавин положение, что мгновенно приводит меня в чувство. Особенно, когда сын скептически тянет:

— Да вообще...

— Выдыхай, думаю, мы поладим, - весело заверяет его Богдан. — Иди, прими душ и поспи немного, завтра отек спадет, а через неделю и вовсе будешь, как новенький.

— Хорошо, спасибо еще раз...

— Не за что. Ты - молодец. Иди, а то еле стоишь. Я поговорю с твоей мамой, не переживай.

Денис явно хочет что - то возразить, но Богдан как-то так смотрит, что сын моментально сдувается. Они обмениваются рукопожатиями, а я ни черта не понимаю.

— Что это все значит?

— Что он здесь делает? - одновременно обрушиваемся друг на друга, стоит только Денису войти в дом.

Я непонимающе вскидываю бровь, а Красавин поясняет:

— Разве это не должен был быть «ужин в кругу семьи»? - припоминает он мне мой ответ на давнишний вопрос о том, как я буду праздновать день рождения. — Твой лягушатник повышен в звании? Или теперь с инвесторами надо не только ужинать в ресторанах, но и приглашать на семейные праздники? А дальше что?

Сказать, что я обалдела от таких предъяв - не сказать ничего. Да как он смеет вообще после всего?!

— А дальше я сниму это чертово платье, усядусь полуголая на него верхом, а ты посмотришь, как оно! - выплевываю, задрожав от бешенства и накатившей боли, когда Красавин вместо того, чтобы хотя бы виновато опустить взгляд, смотрит нагло мне в глаза и кривит губы в едкой ухмылке.

— Окей, дроля, жги, - невозмутимо пожимает он плечами, только вот истерично бьющаяся венка на шее выдает его состояние, но в следующую секунду мне становится не до этого, когда, обойдя меня, Богдан направляется к дому.

— Что ты делаешь? - недоумеваю, глядя ему вслед.

— Как что? Иду посмотреть твоё шоу, ты ведь сама пригласила, - бросает он издевательски и открывает входную дверь, отчего у меня холодеет внутри, и горло перехватывает спазмом.

— Ты с ума сошел? - выдыхаю еле слышно, так и не двинувшись с места, прожигая его, остекленевшим от накативших слез, взглядом.

— А ты не заметила? - прилетает мне очередная, ломаная

усмешка, а после снисходительный смешок. — Да не волнуйся так, обещаю, ни один француз не пострадает.

— Что ты пытаешься сделать? - подхожу почти вплотную и тону в синеве, пропитанной горечью. — Отомстить, наказать, сделать мне больно? Ты этого хочешь?

— Я сказал тебе, чего хочу, - в миг посерьезнев, цедит он сквозь зубы.

— Да, но решил двигаться дальше и двинулся напрямиком в какую-то девку. А теперь вдруг что?

— Понял, что без тебя мне хуже, чем с тобой, - хлещет в очередной раз словами, будто кнутом, ничего не отрицая. И это так больно, так нечеловечески больно...

— Как лестно, - оскалившись, невероятным усилием сглатываю подступивший ком слез.

— Как есть, дроля, - также тяжело сглатывает Богдан, продолжая сверлить меня тяжелым, придавливающим к земле взглядом.

— Только мне-то что с того? - не щадя, бросаю тихо, чтобы также больно, также на части, на разрыв. Богдан бледнеет, стискивает крепко зубы так, что желваки ходят ходуном по щекам и зеркалит мой оскал, но ответить не успевает, ибо раздается недовольный голос моей матери.

— Лариса, ты куда пропала? Все тебя заждались! Что происходит?

Она сканирует нас с Красавиным с ног до головы, и сразу же начинает хмуриться.

Что за сомнительная картина ей открылась, учитывая сходство Богдана с Долговым, представить несложно, и мне хочется застонать в голос, ибо от допроса потом явно не откреститься, особенно, когда Богдан моментально надевает маску и, повернувшись к моей матери, елеинно выдает:

— О, простите, это я виноват! Думал, быстро решим вопрос, но разговор затянулся.

— А вы...? - недоуменно тянет мамочка, пытаюсь понять, кто он такой, но тот продолжает корчить из себя непосредственную душку.

— Богдан, - представляется с самой очаровательной улыбкой. — Я так полагаю, вы - мама Ларисы?

— Верно, Людмила Федоровна, - соглашается мать сухо. Вот уж кого-кого, а ее никакими улыбками не возьмешь, она за версту чует подвох и тайны. И сейчас явно прикидывает варианты. Хотела бы я порадоваться, что на одном имени далеко не уедешь, вот только Красавин им, как оказалось, ограничиваться не собирался.

Глава 6. Богдан

Да, завалился без приглашения. Да, навязался. И что? Вежливо же оформил, так что похуй.

Собравшийся, чванливый народишко, конечно, поглядывает косо. Важно надувает щеки, пыжится, корча из себя до пизды светских, на деле же - периферия с апломбом. Само собой, все при параде, расфуфыренные так, будто не на домашней вечеринке, а на приеме в Белом Доме - кринжати-на лютая. Но мое мнение тут никому не вперлось, для них я в своем затрапезном, спортивном шмоте, даже ценой с чейто домик, моветон. Впрочем, я рот топтал вписываться в местечковый цирк.

Развалившись на стуле максимально вальяжно, чтоб у дrolчки окончательно подгорело, накидываю без разбора себе на тарелку всякой жратвы и тупо ем, оценивая обстановку и происходящее.

Рыжуля напротив палит так, будто я ей бабок десять лет торчу, белобрысая тетка рядом с ней качает головой и закатывает глаза, словно я не с аппетитом жру какую-то изысканную хренотень, а раскладываю дrolю на этом столе времен какого-нибудь -надцатого лягушатника, чтоб ему суке усатой икалось, красномордый мужик с другой стороны от рыжули, видимо, читая мои мысли, становится еще краснее,

того и гляди разрыв аорты случится у бедолаги. Я бы послал, но мне радужно похуй.

Ну, ладно, может, не радужно, и может, не похуй, просто бесит все. Сборище это тухлое, сложившаяся ситуация, а главное - дrolечка со своим лягушатником.

Не знаю, почему меня так от него бесоёбит. Ревновать к этому дятлу - тупо, да я и не ревную больше, зная, что он себя дискредитировал, когда, как чмошник отсиживался в машине, дожидаясь копов, пока я нагибал дrolечку над перилами террасы, тем не менее, чуть ли не рычу, глядя на этого усатого долбаната, которого упорно обхаживает подружка дроли.

Видимо, мужики с наследством в миллиард долбанатами априори быть не могут, даже если ведут себя, как чмыри. Собственно, именно поэтому их все равно зовут на домашние посиделки. И я уверен, даже, если бы у нас с Ло все было бы нормально, расклад не изменился бы и звучал примерно так: «Богдasha, иди погуляй, пока взрослые тети и дядя становятся еще взрослее».

Понимание этого цепляет до красной пелены перед глазами и желания выкинуть какую-нибудь лютейшую дичь в духе на хуй не иду, а иду в... Ага, туда, чтоб дrolечка приготовилась, а главное - зарубила себе на носу, если мальчик достаточно взрослый, чтобы с ним трахаться, значит и для другого вырос, а то чет не сходится.

Хотя, когда сходилось? С первого взгляда криво-косо, но

сейчас понимаю, что, похоже, сразу и намертво, хотя тогда казалось, не мой типаж.

Маленькая, тоненькая, как спичка, вся из прямых, строгих линий - раз дыхнешь и переломаешь к чертям. Оно мне надо это цоканье костей и обморожение?

Я любил чувствовать под собой сочную, горячую женщину с упругой, объемной задницей, большими сиськами и хорошим ростом. Бабы в теле недокормленного подростка меня не впирали, а милфы и подавно не моя тема, триггерившая до недавнего времени. Но она...

Она так забавно палила. Не оценивала, не заигрывала, не пыталась привлечь к себе внимание, не корчила из себя богатую, статусную суку, просто смотрела до смешного открыто и с таким восторженно-удивленным выражением, словно первый раз полуголого мужика увидела, что повеселило от души и даже умилило, когда она смутилась до румянца, который, к слову, у женщин доводилось видеть только в качестве элемента макияжа.

И нет, я не кинковал никогда на целок, и всю эту невинную блевотню, просто что-то в этой противоречивости было... Хрупкость, звенящая металлом. Недостигаемость и отстраненность, плещущиеся в горячем шоколаде глазок-бэмби. Сладкая робость юной девочки и едва заметная, но осязаемая горечь пережившей многое женщины.

Пацаны угорали над ее очевидным интересом, когда она приезжала за сыном, а я, хоть и привыкший к тому, что бабы

откровенно текут ручьем при виде меня и давно не реагировал, на нее почему-то обращал внимание. Снова и снова, и снова.

Прикалывался, конечно, тоже, цеплял, а сам ловил неподдельный кайф с ее реакций, присматривался, смотрел, замечал, как чопорно поджимаются конфетно-минетные губешки, и думал, какая она, если снять с нее эту наглухо застегнутую броню, сшитую на заказ? Но тут же одергивал себя и натурально охуевал.

Какого хрена вообще? Куда несет? У нее же сын-подросток, ей где-то под сорокет, хоть и выглядит моложе, но я не в том смысле, что неликвид, просто оно мне на хрена? Зажрался что ли и на экзотику потянуло? С моим бэкграундом она самая что ни на есть, хотя казалось бы, ну старше и старше, не бабка же в самом деле, красивая женщина, ухоженная, опытная, без синтепона в голове и розовых очков, но нет. Нет и еще раз, блядь, нет.

После Агриппины с ее «творческой» ебанцой вертел я на своем восемнадцатисантиметровом всех этих без утеплителя и солнцезащитных.

До сих пор моешься и думаешь, оно смылось, наконец, хотя я Агриппину ни разу не трахал, только, если в ее вечно обдолбанный мозг, но это уже совсем другая история, которую дядя Сэми должен был хорошенько подтереть, в итоге же - мне сообщают, что из меня хотят сделать сахарную детку. И кто? Эта ледышка с глазками-оленьями!

Я сначала, конечно, долго ржал, потому что, ну, камон, кто так вообще вопросы решает, я же ей не шлюхан какой-то трехрублевый?! Да она бы меня так даже в мою голодную юность не сняла.

Агриппине потребовался год, чтобы заманить к себе в дом в качестве разнорабочего. И пусть с возрастом принципов у меня стало куда меньше, но вот статуса...

И тут назревает вопрос: тетя охуела или охуела в квадрате? Естественно, я пришел в бешенство, потому что было ощущение, будто сбывшись мои подростковые страхи, и все узнали, что ровный пацан, сделавший себя сам, оказывается не такой уж ровный и не так уж и сам пришел к успеху. Плюс неожиданность. От кого-кого, а от этой недотроги я такой пошлости и циничности не ожидал. И как -то моментально все очарование схлынуло, осталась только злость и желание унижить, как, собственно, она меня своим нелепым вынюхиванием.

И не то, чтобы до нее не поступали странные предложения, просто мне было плевать на тех, кто их делает, а на нее почему-то плюнуть не получалось. Цепляло, задевало и коржило. Мне ведь она правда даже понравилась, а тут смотрел и не понимал, чем.

Сука же двуличная, явно прущаяся по ролевухе «ах, я не такая, меня не поняли, оклеветали», знал я и таких - больные на всю башку. Как только эту не распознал, не ясно. Впрочем, у нее такая мордашка: вроде бы утонченные, строгие

черты лица с выразительными глазами, но, если присмотреться - чисто бельчонок: крохотный носик, глазки-пуговицы, ротик миленький с пухленькими, но небольшими губами. Прелесть, словом, а вот я - сказочный долбоеб. С юности вариться в этом шкурном дерьме и чем-то там очаровываться?

Ну, что тут скажешь... Могу, умею, практикую и даже не особо расстраиваюсь по этому поводу. В конце концов, в мире огромных бабок главное от скуки не сдохнуть, а так хоть какое-то развлечение. Удовольствие, правда, сомнительное, особенно, когда детка упрямо начала доказывать, что все-таки не такая.

Спрашивается, на хрена?

И вот лучше бы не спрашивалось. Потому что, сев на эти упоротые качели просто по приколу, я не смог спрыгнуть, хотя знал их от и до, будучи однажды тем, кто раскачивал...

Наверное, бумеранг все-таки существует или я просто кретин, потому что иначе эту связь с дролей вряд ли можно объяснить.

Я должен был поставить точку в том обоссаном туалете клуба, не идти за ней, не забирать пьяную с улицы, не слушать ее историю жизни, не проникаться к ней сочувствием и не видеть в ней всю ту, очаровавшую меня, херню вместе с сокрушающей ранимостью, спрятанной за маской язвительной суки, такой знакомой мне до мертвенного озноба, на которую я в свое время с Агриппиной просто-напросто забил,

пока однажды не стало слишком поздно.

Глава 7. Богдан

С чего началась любовь к ней? С первого взгляда? С вызова, который она бросала своей неприступностью? С неутихающего чувства вины? Жалости? С нарастающего с каждым днем влечения? Или с того, что узнавая ее скрытые от всего мира стороны, я открывал в самом себе человека, которого из меня выбивали годами?

Хрен его знает, но я вмазался просто до соплей, провалился в нее, как безалаберный идиот, под лед глубокой реки, и чем сильнее погружался, чем больше узнавал, тем неотвратимей она заполняла собой все пространство во мне.

Будоражила, цепляла, подстегивала, сводила с ума, кумарила до ломоты в каждой вене и бесила.

Сука, как же она меня бесила, порой! Правилами своими, тревожностью, желанием контролировать все и вся, страхами бесконечными. Я на стены лез от всего этого идиотизма, от нетерпения, раздражения и, что скрывать, возбуждения. Шаршило так, будто мне снова пятнадцать и круглосуточный стояк - норма жизни.

Не мой типаж стал вдруг единственно-желанным, словно все девки разом вымерли, и только она одна в фокусе моего осатаневшего от голода внимания.

Если бы не тренировки до седьмого пота, я бы стер к хуям

ладони. Все эти ее приталенные костюмчики, подчеркивающие тонкую, изящную фигурку, блузочки, обрисовывающие сочную четверку, на которой я залипал, как debil, чулочки на стройных, ладных ножках, шпильки и прочие атрибуты деловой, собранной женщины стали моим фетишем, доводящим до состояния натурального помешательства. Хотелось эту собранность разобрать, разворошить к чертям собачьим, чтобы стрелки по чулкам, юбка на поясе, волосы по плечам, помада по всему лицу и в кои-то веки расслабленная улыбка сытой, удовлетворенной женщины. Я хотел ее такой увидеть, хотел, как никогда и никого. Торчал на нее просто безбожно. И дело не только в том, что она меня постоянно динамила и держала на сухом пайке, вся соль в ее многослойности. В одежде ли, в характере ли, завораживало меня это почему-то, держало на привязи, заставляя осторожничать, проявлять терпение и дрочить по десять раз на дню, мечтая залезть уже не только под одежду, но и под кожу.

Я угорал с самого себя, иронизировал, но толку-то, если уже поплыл? Причем конкретно так - до блаженных, припизднутых улыбок и радости от того, что просто солнышко светит и дождик идет. И не стремался ведь, даже трезветь не хотел.

Мне нравилось это состояние обдолбанности с ни хера - круто же, заряжаешься позитивом в общем и целом, и кажется, будто все по плечу. Даже она - ершистая, колкая, стервозная и закомплексованная.

Это не было похоже ни на что, испытанное ранее, да и она ни на кого из моих женщин не была похожа, хотя поначалу я невольно сравнивал с Агриппиной, пока не понял, что в этом нет никакого смысла. Пусть они обе скрывали за маской сучности свое поломанное и израненное нутро, оно разнилось у них, как небо и земля.

Гриппино - испорченное, утонувшее в разврате, удовольствиях и жалости к себе, и в подметки не шло тому, что я открывал в своей дроле, похожей на шкатулку с сюрпризами.

С виду такая взрослая, деловая, прошаренная, а на деле - стесняющаяся всего недотрога. Если бы не знал, что у нее есть дети, подумал, что с мужиком ни разу не была. И пусть меня никогда не впирала возня с трепетными ланями, ее хотелось нежить, комфортить, приручать, постепенно раскрывая ее сексуальность. Мне это было неожиданно в кайф, хоть у меня секса на тот момент не было порядка месяца.

Я, наверное, именно тогда, лаская ее на заднем сидении моего джипа, и понял, что пиздец, как встрял. Она тихонько стонала, робко так, сладко, а меня всего мурашило и распирало от нежности к ней - такой зажатой, хрупкой, пугливой и недолюбленной. Пусть она это старательно прятала, но иногда забывалась, и с нее, будто шелуха, спадало все наносное, являя на поверхность сплошную ранимость и печаль, от которой щемило в груди.

Даже, если мне порой, а точнее - часто, хотелось взбрыкнуть, показать характер, я просто не мог. Эти огромные,

невинные глаза лани каждый раз вынимали из меня душу, скручивали в бараний рог, ломая всю спесь. Я смотрел в них и неугомонный, импульсивный придурок во мне смирил, усаживался самым что ни на есть послушным щенком у миниатюрных ножек, готовый уложить там же весь мир, только бы стереть эту грусть и боль, которая сквозила в каждом жесте и мимике милого на самом деле, а ни фиги не строгого личика. Но она будто въелась в любимые черты, и стирала вместе со страхом все прочее, как выдох с запотевшего стекла, и меня от понимания, что я не в силах ничего этому противопоставить, сколько ни лезу из кожи вон, начало в какой-то момент мотылять из стороны в сторону.

И все... как-то вдруг закончился период единорогов, когда я готов был тащить за двоих, терпеть, прощать и, радуясь перепавшей невзначай косточки, загадывать на падающую звезду «пусть у дrolечки все будет хорошо».

Я все еще ее жалел, принимал со всеми бзиками и прекрасно понимал, что с ней надо нежнее, терпеливее, осторожнее, но я больше не вывозил. Изголодался и не мог насытиться: чем больше косточек она мне бросала, тем прожорливее я становился, а уж после нашей новогодней поездки у меня и вовсе все планки сорвало. Ведь я получил не просто косточку, а хороший кусок мяса, и на меньшее уже соглашаться не мог, да и думал, что сдвинул -таки наши отношения с мертвой точки, но оказалось, вообще откат назад, и так это меня деморализовало, что я впервые готов был сдать-

ся. Послать все к ебням, и зажить привычной жизнью без оглядки на то, обидится ли, расстроится ли, что скажет.

Сказано - сделано, тем более что повод был - я выиграл очередной бой. Тупо, на агрессии, без башки, но выиграл, хотя никакого удовлетворения не почувствовал, ибо это не профессионально, а я не для того потратил столько лет, чтобы слить свою жизнь в унитаз на эмоциях. Так-то оно так, но как ни старался, я просто не мог с ними справиться. Меня жалило до клокочущего рыка в горле и желания разхерачить все вокруг вдрызг, ибо я оказался не нужен, не важен и совершенно незначителен в жизни любимой женщины в то время, как все во мне было для нее.

И это уже даже не злило, это просто ломало с хрустом, превращая в битое стекло веру в себя, в эти отношения, желание быть вместе. В конце концов, зачем? Чтобы вот так сходить с ума, затыкать себе глотку каждый раз и, сцепив зубы, мириться с любой дичью, что придет в ее трусливую голову, пока однажды не начнешь просто-напросто ненавидеть, если еще не начал? Какой смысл?

Прождав ее две недели, я его больше не находил. Закрыв перед ней все долги касательно ее сына, я хотел оборвать все разом, забыться хотя бы на одну ночь и не чувствовать. Ни этой разъедающей тоски, ни прибывающего к земле разочарования, ни топящей меня с головой боли, ни шепота заде-той гордости, ни этих безответных, душащих меня чувств к ней.

Ее молчаливый приход ничего не изменил. Взболтал только осадок и довел до бешенства, потому что мне вновь пытались кинуть, обгрызанную вдоль и поперек, косточку и ждали, что я завиляю хвостом.

На мгновение проскользнуло - а может, завилять? И занавес упал, ибо это уже переходило все границы и надо было что-то делать, спасать то, что от себя самого осталось.

Срочно, вот прямо сию же секунду!

Ну, я и спас – усадил к себе какую-то девку.

Только взглянув в погасшие, оцепеневшие и будто бы того только и ждавшие глазки-оленята, осознал, что натворил.

Нельзя ведь с ней так. Она же и без меня этого дерьма на три жизни вперед наелась. Да и я обещал же, что не подведу, не обижу, а в итоге поступил, как последний мудака. Себя и ее своими собственными руками закопал заживо!

На меня буквально паничка накатила от понимания, что это же теперь все. По-настоящему все! Не вернется, не простит, не даст ни единого шанса. И вопрос «зачем он мне?» даже не возник. Гордость с самолюбием, окончательно сгорев в пламени вины, тоже не захрипели предсмертно. А вот дикий какой-то страх и сожаление набатом ударили по хмельным мозгам.

Вскочив с шезлонга, как ненормальный помчался на выход, гонимый одной мыслью - догнать, остановить, исправить. И плевать, если придется согнуть себя в три погибели, только бы не видеть ее такой - сокрушенной моей тупостью,

размазанной на глазах невменяемой толпы.

К счастью или к сожалению, моя охрана слишком бдительна, и не позволила мне сесть пьяным за руль, хотя я очень настаивал, даже руки распустил.

В чем была проблема попросить отвезти - я до сих пор не понимаю, но в итоге после хорошей потасовки, меня скрутило несколько бодигардов и, вызвав дядю Сэми с капелъницами наперевес, будто буйно-помешанного держали в наручниках, пока я не протрезвел в достаточной мере, чтобы сожрать себя пониманием - она впервые пришла ко мне сама, а я включил обиженного мальчика и доказал, что все ее страхи не беспочвенны.

И даже вполне себе справедливая мысль, что, если долго и упорно взбалтывать бутылку кока-колы, она непременно рванет, не принесла облегчения.

Глава 8. Богдан

Наверное, я бы нахуевертел какой-нибудь дичи - так мне башню рвало, - если бы не дядя Сэми, включивший в мое расписание кучу всякой медийной херни, которую я бы с удовольствием послал. Но за мной молитвами моего менеджера чуть ли не посекундно следил штафф, а срывать людям рабочий день и корчить из себя капризную звездулю - не мой стиль. Да и эта движуха хоть немного отвлекала от самоби-чеваний и рвущих на части противоречий.

В одно мгновение мне хотелось просто плюнуть на все, уйти в загул и полететь с Джерри - моим промоутером, - на какой-нибудь ушлепский ретрит на частном острове очередного, заскучавшего миллиардера, где обычно чалился весь жир Голливуда, с утра поклоняясь солнцу и распевая молитвы, а вечером - устраивая такие жесткие оргии под запрещенкой, что в аду и не снилось.

В другое - я готов был сорваться к моей дроле и... на этом, собственно, спотыкался любой порыв.

Ну, сорвусь и что? И так понятно, что меня пошлют еще до того, как я открою рот. Но поехать все равно хотелось просто пиздец, как. Не спасали ни тренировки, ни мотания по городам на всякие интервью, съемки и деловые ужины, тянуло к ней, будто посаженного на цепь.

Мне нужно было хотя бы краем глаза увидеть ее. И я не сдержался. Поехал в один из вечеров и, как долбаный сталкер сидел напротив ее офиса, ожидая, когда она выйдет.

А стоило ей появиться на парковке, как мир замер, и меня размазало, раскатало по асфальту ковром, на котором она отстукивала шпильками ритм моего шарашещего, как после хорошего кардио, пульса.

Я смотрел на нее алчной, оголодавшей зверюгой, притаившейся в кустах и, будто маньяк на грани своего первого преступления, изо всех сил сдерживался только бы не выйти из машины, и не утащить ее к себе в подвал, чтобы держать там, пока не простит и не согласиться быть со мною. И это ни хрена не фигура речи и сравнительный оборот, я отъезжал конкретно так, со свистом, как никогда осознавая, насколько протравлен ею. Я даже начал понимать Агриппину с ее одержимой привязанностью ко мне, хотя раньше казалось, крипота лютая и тетке срочняк надо лечиться, а теперь сам был на пороге дурки.

Тормозило только одно - ее болезненный вид, который я заметил уже давно, но за всей этой злобучей драмой, как-то оно прошло по касательной, сейчас же бросалось в глаза так сильно, что отрезвляло.

Бледная, осунувшаяся, исхудавшая, она казалась не просто хрупкой, а прозрачной. Ее тараканы наверняка были толще ее самой, сожрав подчистую, и это вызывало дикое беспокойство. Я не был уверен, что дело во мне, в конце концов,

она похудела еще до нашей ссоры, но все равно чувствовал себя последним мудаком. И это чувство вины заставляло сидеть ровно и не дергаться в ее сторону. Ей явно было не до уличных разборок и моих излияний. Да и что я ей скажу?

Над этим я думал все последующие дни в перерывах между суетой и делами, но на ум так ничего и не шло.

Шло только время, сводя мои шансы не просто в ноль, в чертов минус, и это выводило из себя. Я метался, как идиот, рычал на всех, срывался, а потом, как ненормальный бокси-ровал, до спазма в мышцах и разорванных в хлам груш. Потому что не мог без нее. Не мог совсем, хоть кидайся. Не мог забыть, жить, что-либо делать. Вроде бы хожу, двигаюсь, а будто и не я, и не мое все. Все там, у нее осталось, а вернуться... Как? С чем? С соплежуйским гундежом «прости, был пьян, ничего ни с кем не было»?

— Ты можешь мне объяснить, что с тобой происходит? - застал меня дядя Сэми изнуренного, потного, сидящим посреди песка от очередной разорванной груши. — Просто скажи, в чем проблема, и вопрос будет решен.

Я усмехаюсь и облокотившись на колено, обессиленно опускаю голову. Хотел бы я посмотреть, как дядя Сэми решил бы вопрос с дролей.

— Это из-за этой бабы тебя так мотыляет?

— Ещё раз отзовешься о ней в таком тоне, получишь в бубен, - предупреждаю спокойно, но на полном серьезе, что дядя Сэми мгновенно считывает и сразу же меняет тему.

— Тебе надо расслабиться. Прислать тебе кого-нибудь?

— О, да с удовольствием бы сейчас объездил свою упругую кинг-сайз, вставил зарядку в розетку и как уснул бы под бит в наушниках, - иронизирую, даже не открывая глаз от усталости, хотя дело вовсе не в ней. Просто не хочу. Никого и ничего, кроме своей женщины. Появись она здесь, я бы и полумёртвый на неё залез.

Конечно, тело, привыкшее к регулярному сексу, требовало, но полировать какую-то сосалку, а самому думать о своём. На хрена бы оно надо было, проще подрочить. Хотя что то херня, что это. Видимо, я махровый однолюб и любовь к дроле надела на мои животные потребности наручники.

— Сколько у тебя уже не было секса? Месяца два? - словно читая мои мысли, продолжает дядя Сэми разговор.

— Давай без этого, - поморщившись, отмахиваюсь, прекрасно зная, к чему он ведёт. — Если ты хочешь поговорить о прошедшем бое, то дело не в том, что у меня недотрах.

— А в чем тогда? Ты видел себя со стороны? Ты потерял контроль и снова превратился в того агрессивного мальчишку, которому требовались координаторы и психологи, чтобы отточить минимальные социальные навыки и научиться сдержанности.

— Я был техничен! - возражаю на чистом упрямстве, хоть и знаю, что дядя Сэми прав.

— Ещё бы нет! Ты для того и тренируешься по сорок восемь часов в неделю, чтобы с закрытыми глазами выдавать

базу, вот только этого мало, чтобы стать чемпионом мира. Нужно быть собранным и сконцентрированным на цели, а не на какой-то...

— Лучше заткнись прямо сейчас! - обрываю его вполне справедливый в своем негодовании спич. Дядя Сэми слишком много сил вложил в мою карьеру и мог предъявлять требования, но только ко мне, однако они никоим образом не должны задевать женщину, которую я выбрал.

— Я заткнусь, просто хочу напомнить, что вот из-за одной такой, ты чуть не лишился карьеры.

— Это не одно и то же! - вскинув взбешенный взгляд, цежу сквозь зубы.

— А в чем разница, если твоя личная жизнь мешает твоей мечте? Или тебе уже не нужен чемпионский титул? - чеканит дядя Сэми, не отводя свой.

— Не носи херню! Никто мне не мешает.

— Мне показать тебе запись последнего боя, где ты чуть не слетел с катушек?

— Разве тебя не порадовали рейтинги? - не зная, что противопоставить, бросаю едко, хоть и понимаю, мне абсолютно нечем крыть, все по факту.

— О, да! Давай, начни еще откусывать соперникам уши и станешь легендой треша. Ты хочешь быть чемпионом или клоуном?

— Тайсон не клоун.

— Верно, Тайсон - чемпион, поэтому может себе позво-

лить быть кем угодно: клоуном, насильником, мусульманином, зэком...

— Окей, я понял, что ты хочешь от меня услышать?

— Я хочу услышать, что тебя так выбивает из колеи. Если проблема в той дамочке, то только дай отмашку, я надавлю на нужные кнопки, и через минуту она будет у тебя здесь ползать, по щелчку пальцев собирая песок. У нее, конечно, есть деньги, но связей кот наплакал...

Он что-то еще говорит, а у меня просто начинает в ушах звенеть от ярости.

— Ты ебанулся? - вскочив на ноги, стремительно преодолеваю расстояние между нами, на что дядя Сэми испуганно вскинув руки, тараторит:

— Я просто предложил, Бо, просто предложил...

— Я тебя, сука, урою, если ты еще раз заикнешься о таком, понял? - дав ему легкий тычок под дых, хватаю его скрючившегося в три погибели за шею и, наклонившись к его покрасневшей от нехватки кислорода роже, цежу одичавшим, не свои голосом. — Понял, блядь, или тебе по почкам дать пару раз, чтобы ты обоссался хорошенько?

— Понял, Бо, я понял, - преодолевая спазм, хрипит он, жадно хватая воздух ртом. Я отталкиваю его и дышу по технике в попытке успокоиться, но ни черта не получается. Смотрю на дядю Сэми и хочется убивать.

Я, конечно, знал, что он тот еще мудень, в конце концов, такими связями, как у него, просто так не обрастают, но чтоб

он настолько в себя поверил... Охренеть просто!

— Вот о чем я и говорил. Ты не контролируешь себя! - отдышавшись, подает он вновь голос. В нем никакой обиды или упрека, дядя Сэми знает меня, а я знаю его - ответка обязательно придет, но позже.

— Я контролирую, поэтому предупреждаю еще раз: продолжишь мутить воду в этом направлении и получишь вполне осознанных пиздов.

— Я просто выполняю свою работу, Бо. Делаю все, чтобы ничего не мешало тебе реализовать свою мечту.

Зачет! Чего у дяди Сэми не отнять - так это умения лить в уши.

— Красиво стелишь, - усмехнувшись, киваю одобрительно и тут же жестко добавляю. — Но со своей личной жизнью я разберусь сам.

Дядя Сэми хмыкает и, прихрамывая, направляется к выходу из спортзала.

— Разбейся, - бросает он напоследок, — только так, чтобы нам с командой не пришлось в очередной раз потратить целый год, чтобы поставить тебя на ноги и вернуть в обойму. Боюсь, второй раз у нас уже этот фокус не пройдет.

— Не нагнетай а, - поморщившись от неприятных воспоминаний и ситуации в целом, отмахиваюсь и, не дожидаясь ответа, иду в душ.

Нужно подумать и в самом деле что-то предпринять, а то распустил сопли, как кретин какой-то. Спрашивается, чего

жду? Дроля свой ход сделала, моя очередь.

Глава 9. Богдан

Я не собирался приезжать к ней на день рождения.

Еще до всех событий, когда поднялась эта тема, мне было сказано, что будет исключительно семейный ужин. Я не тупой, намек понял. Видеть меня там не хотят, знакомить с родней тоже. Другого я в общем-то не ждал, поэтому не ущемился, хотя приятного мало.

То, что дроля стремалась наших отношений было ясно, как день. В ее закомплексованной головешке быть старше мужчины - что-то из разряда неприличного и постыдного. Винить ее в этом сложно, такую повестку диктует общество, а против него сильно не попрешь, но, если уж так сложилось, я считаю, надо свой выбор гордо нести в массы, а не шкереиться по углам. В конце концов, у нас не средневековые, палками не забьют, алую букву не приколотят. Но пытаться объяснить это Ларисе - проще чемпионский титул завоевать с нуля и без костылей в виде Агриппины.

Если бы можно было подарить моей дроле любую вещь, я бы подарил смелость. Но, к сожалению, жизнь такую роскошь не предоставляет, приходится вымучивать что-то хоть сколько-нибудь нужное. В нашем случае, раз о смелости речи не идет, это частный остров на Багамах с отличной береговой линией, тремя пляжами, пальмовой лагуной, соб-

ственной гаванью и хорошим сообщением с основной сушей, чтобы дальнейшее строительство не влетело в копеечку, и подарок не стал тем белым слоном, которым англичане величают бесполезную хуйню, что сжирает тонны денег.

Обошелся он мне, конечно, в хорошенькую сумму - минус последний бой с моих счетов вместе с доходами от спонсорских контрактов. Дядя Сэми едва не подавился капучино, узнав о сделке, но я не парился, рассматривая, как инвестицию в наши с дролей отношения.

Как говорится, чего ни сделаешь ради любимой женщины. Зато будет, где провести время и не думать, что кто-то спалит, да и просто... женщину с таким состоянием, как у моей, сложно удивить цацками или чем-то менее масштабным. Я себе, конечно, такую задачу не ставил, но все равно было бы неплохо, если бы ахнула. Миллиардов, как у ее бывшего, у меня, конечно, пока нет, но остров за несколько лямов - тоже не херня.

Даже, если Ло меня пошлет, сможет построить там какой-нибудь отель или организовать фермерское хозяйство, и будет ей хороший, прибыльный бизнес в память обо мне, чтоб, как говорится, не сексом единым.

Да, и такие смехотворные мысли, порой, посещали, хотя никогда не парился, какое оставляю послевкусие у женщин, а тут вот пожалуйста - готов рвать жопу, чтобы быть в глазах своей дроли мужчиной, а не мальчиком.

Знаю, тупость несусветная, но никто и не говорил, что лю-

бовь - это что-то на умном. Тупить, ошибаться, пытаться все исправить - киты, без которых человеческие отношения вряд ли могли бы развиваться. Другой вопрос - в какую сторону это развитие. Мне бы хотелось в ту, где дроздочка рождает мне, как минимум, двух конопатеньких, кудрявых бэмби.

Уровень сложности, конечно, пиздец, но я всегда получаю то, что хочу. Пусть не по-простому, пусть приходится разбиваться в лепешку, но через тернии к звездам, как говорится, а Звезда у меня перед глазами одна.

Вредная, упрямая, бескомпромиссная и очень сильно мной обиженная. Но я убежден, с ошибками тоже можно справиться, если принимать их не как поражения, а как подсказки к дальнейшим действиям.

Собственно, такой была стратегия, тактика же нарисовалась, стоило приехать в клуб Глиссона, где я отрабатывал контракт и тренировался несколько раз в неделю в целях подтверждения высокого статуса клуба и привлечения внимания мажориков, свято верящих, что они непременно добьются чего-то, если будут ходить в тот же клуб, что и я.

Сомнительно, но... не отрицаю, если иметь серьезную мотивацию, что-то, возможно, и получится. Однако, соль в том, что нет лучшей мотивации, чем бедность и хреновое детство.

Когда тебе приходится выгрызать право не смотреть на этот мир исподлобья, как голодный шакал, хочешь не хочешь, будешь ебашить в зале до десятого пота.

Глядя на тренировки золотых деток: на то, как они двигаются, словно тюлени на лежбище, поглаживая грушу, будто девку перед трахом, остается только подивиться актерскому таланту тренеров, на серьезных щах восхваляющих посредственность. И хотя мне в общем-то до одного места, кто и как придушивается. В конце концов, каждый дрочит, как он хочет. Нравится родителям спускать тысячи долларов, чтобы дитячко чувствовало себя причастным к боксерской тусовке - ради бога. Но я бы своего сына, который тоже будет, по сути, мажориком, в профессиональный бокс бы не отдал, просто потому что такие озлобленные, голодные волчары, как я, его уничтожат, не моргнув глазом.

Бокс - это спорт для босоты и зверья, которому нечего терять. Чемпионы приходят в него выгрызть свой шанс на будущее, а не потому что это модно и круто. Такие мотивации несопоставимы, как небо и земля. Да и ставить свою кровь на кон на глазах тысячи людей, когда у тебя с рождения есть все - это даже звучит тупо, но на тупости всегда зарабатывает кто-то умный, и я не в претензии, тем более, что мне с этого тоже капает, просто не люблю, когда пацанам дурят бошки. Если не тянет, чего ради лить ему компот в уши? Пусть занимается на любительском уровне и не парится насчет результатов, а то так можно уверенность угробить в ноль, пацан же без уверенности в своих силах - это, считай, импотент. Впрочем, пацан с чрезмерной уверенностью в них - тоже ни фига хорошего. Дролин сын оказался, как раз, таким.

Я бы его не заметил, если бы с меня не слетела моя любимая бейсболка. Ветер разыгрался приличный, и мне пришлось забежать за здание клуба в тупичок между соседней высоткой.

Тут-то мне и открылась веселая картина: ватага пацанов вела какие-то разборки. Вмешиваться в этот цирк я не собирался. В их возрасте пиздиться и выяснять, кто круче велела сама физиология, шараша по мозгам тестостероном.

Подняв кепку, я собирался уже по-тихому отчалить, когда услышал знакомый голос. Присмотревшись, понял, что это никакие не разборки, а самый настоящий кулачный бой без перчаток, где в центре круга тощий четырнадцатилетний дролин сын, а напротив него явно восемнадцатилетний лоб, довольно скалящийся окровавленным ртом после очередного удара, рассекшего мальчишке бровь, отчего он пошатнулся и, скрючившись от боли, едва не упал.

У меня все в груди оборвалось и не только потому, что это сын дроли, а просто это вообще ни в какие ворота. Пацану четырнадцать! Пусть он держался дерзко, смело скаля зубы, но это все еще был нескладный подросток, только-только начинающий набирать мышечную массу в то время, как напротив был вполне сформированный мужик, которому уже пора вставать в спарринги со мной, а не со школотой.

— Э, слышь, придурок! Еще сделаешь к нему шаг, и тебе пиздец. Ну-ка, разошлись, черти! Встали, блядь, тут, - растолкав этих дебилов, как по команде замеревших, будто ста-

до оленей при виде фар, спешу к такому же испуганно застывшему Денису, на ходу отвешивая крепкий подзатыльник восемнадцатилетней детине, пытающейся как-то оправдать свой проёб.

— Да мы это, Бо, мы же просто... - покраснев, чешет этот дегенерат репу после оплеухи. — Он сам предложил по разам. Вот, чтоб не пиздел и ...

— Я тебе щас башку снесу, чтоб ты не пиздел! Свалили отсюда на хуй, пока в памяти!

Повторять дважды не приходится. Подхватив свои сумки, эти малолетние кретины улепетывают, сверкая пятками, оставляя нас с Денисом одних.

— Ты как, чемпион? Досталось тебе. Дай гляну, - подойдя к нему, сканирую его разбитое лицо. Все не так хреново, как кажется. Зубы целы, нос тоже. Глаза подбиты, но не сильно. Хорошо все-таки, что эти неженки просто гладят грушу, а то бы мы сейчас вызывали неотложку. — Поехали, надо бровь зашить. Печень, почки, селезенка как? Получили?

Денис мотает головой, морщась от боли, когда я, придерживая его, помогаю идти. Адреналин начал спадать, и пацан явно почувствовал, почем фунт лиха.

— Точно? - уточняя, прекрасно видя по его движениям, что получил он и по корпусу не слабо.

— Ну, так... - признается, отводя взгляд со стыдом, словно это не он выдержал удары, по сути, взрослого мужика.

— Эй, глаза поднял, - требую, замерев у двери машины.

— Ты - красавчик, понял. Не каждый пацан твоего возраста выстоит против взрослого бойца. Тебе нечего стыдиться.

— Я проиграл, - возражает он с таким знакомым до боли упрямством, что меня невольно оно умиляет.

— Проигрывать не запахло, особенно, в неравном бою.

— Откуда тебе знать? Ты ни разу не проиграл.

Я хмыкаю и усаживаю его в машину, а после всю дорогу до больницы рассказываю про свой путь лузера и как меня кошмарили все, кому не лень до того, как стал профессионалом. Денис неверяще смотрит во все глаза, но явно приободряется. Я же кошусь краем глаза на его профиль и вспоминаю, как вез в больницу его мать, и так щемить начинается от тоски по ней. Почти два месяца какой-то непонятной херни. Как я вообще выдержал и не приперся в наглую к ним домой?

Необъяснимо, но факт.

Факт, который я собирался исправить в ближайшие часы. Тем более, что возможность сама приплыла в руки, а в моем случае надо ковать железо, пока горячо. Знаю, это не очень честно и правильно - действовать через мальчика, который видит во мне кумира, но я заебался наворачивать круги в попытках получить кусочек внимания его матери.

Я хотел ее себе. Всю, целиком, без остатка. Целовать ее, жить с ней, держать за руку, умереть, черт возьми, в один день, как бы по-ебанутому это ни звучало. Но из песни слов не выкинешь, а они все об одном - о том, что в любви, как на войне, все средства хороши, особенно, если эти средства

- дети. В конце концов, что такого?

Глава 10. Богдан

— Ну вот, как новенький, - резюмирую, когда Денис выходит от хирурга. Пацан тяжело вздыхает и невесело поджигает губы, что меня удивляет. Вроде же в кабинет входил повеселевший. — Чего опять нос повесил?

— Да у матери просто сегодня день рождения, а я..., - он цокает с досадой и отводит взгляд. Хочу спросить, какого хрена тогда ввязался в драку, но пацану сейчас и без меня не сахарно. Судя по загруженной мордашке, шестерёнки так и крутятся в попытках придумать, как все объяснить матери.

— Ладно, не грузись, она же знает, что ты не на танцы ходишь, - похлопав его по плечу, пытаюсь приободрить, но выходит, конечно, сомнительно. Лицо у мальчишки хоть и не в фарш, но без слез не взглянешь - в пору искать родственников азиатов. У дrolечки стопроцентно будет припадок, о чем Денис стенает всю дорогу до машины.

— Она вообще всегда была против, чтобы я занимался боксом. Раньше даже на соревнования ко мне не приходила. Говорила, насилия ей хватило в молодости, но я думаю, просто на принцип шла, - без задней мысли выдает Денис, возясь с ремнем безопасности. У меня же внутри все сжимается в жесткую пружину, и я не своим голосом цежу:

— В смысле «насилия хватило»? Твой отец распускал ру-

ки?

Денис вскидывает ошарашенный взгляд и торопливо качает головой с глазами по пять копеек, видимо, не зная, как трактовать мою перемену настроения.

— Не, ты че?! Батя у меня, конечно, своеобразный чел, но женщину бить никогда бы не стал. Просто девяностые, все дела, отец бизнес строил, вот мама и насмотрелась с ним всякого. Мы же в России жили, а там сам знаешь...

Да уж знаю. Честно, до этого я как-то не задумывался о том, через какое дерьмо, помимо перипетий личной жизни, дроле пришлось пройти, пока ее муженек заколачивал свое состояние, а теперь мороз по коже.

Меня по малолетке зазывали Курганские к себе, в нашем зале много тренировалось ребят из их братвы. Мой тогдашний друг - Генка Малыш ростом два с лишним метра, - тоже к ним присоединился, ну и меня в итоге подбил. Я съездил пару раз посмотреть, как они долги возвращают и с бизнесменами «диалог ведут», меня взяли, как щас помню слова одного мордоворота: «к крови привыкать». Я тогда посмеялся, мол, че я там не видел, а потом блевал.

Оказывается, кровь на ринге и на вот таких сходках - абсолютно разные вещи. Привыкать действительно было к чему, но я понял, что не хочу. Мне только-только исполнилось семнадцать, умер дед, я был зол, потерян, но не настолько, чтобы насиловать баб, уродовать их на глазах обосравшихся мужей и страшать детьми. Одно дело на ринге махать с

такими же бойцами, а другое - вот такую дичь творить. Тут должна быть особая прошивка или полная безнадега.

Болеющая мать, бабушка-пенсионерка и семнадцатилетние возможности заработать, когда в стране разруха - это самый, что ни на есть безнадежный случай, но я все равно решил искать варианты почище.

Почище не нашел, но по крайней мере, меня не пристрелили где-то в подворотне, как Гену Малыша, не посадили вместе с половиной наших ребят, и по ночам не беспокоили лица изуверченных людей, прикопанных в ближайшей лесополосе.

Тем не менее, я более, чем могу в красках представить, как заколачивалась красивая жизнь в США и что в процессе этого заколачивания моей бедной дроле пришлось пережить, просто потому что женщины и дети в такой возне всегда становятся разменной монетой, и меня от этого накрывает бессильной злостью, но зато многие штрихи в портрете ее личности становятся понятнее.

Денис меж тем продолжает сокрушаться о предстоящем разговоре с матерью, и о том, что все вышло не так, как он планировал. Само собой, не могу не спросить, что он вообще планировал, вступая в бой со взрослым лбом, который объективно сильнее. О чем он думал в конце концов, учитывая, что полтора месяца не тренировался?

— Я тренировался с отцом. Он у меня мастер спорта, - возражает Денис, на что я едва не закатываю глаза.

— И что, настолько преисполнился? - вырывается у меня насмешливое.

Денис краснеет, я же мысленно отвечаю себе леща.

Нельзя так. Если хочу сблизиться и расположить пацана к себе, надо держать сарказм и негатив по отношению к его отцу на привязи. Не то, чтобы мне было дело до бывшего дроли, просто задолбался отдуваться за его косяки.

— У меня был план, - насупившись, уходит меж тем Денис в оборону. Я хмыкаю и делаю осторожную попытку вернуть былую атмосферу искренности и доверия.

— Не дуйся, чемпион. Просто ты же понимаешь, что план провалился?

— Понимаю, но тогда казалось, что все получится.

— Поделишься?

Денис, нахмурившись еще сильнее, несколько минут молчит, но потом все же нехотя признается, видимо, устав держать в себе:

— Он всякую херню гнал про мою мать. Ну, эти слухи... - поморщившись, он снова краснеет и прикусывает губу, так сильно напоминая дролю в это мгновение, что мне хочется потрепать его по рыжим кудрям, чтоб расслабился. — Короче, мне это надоело. Я решил, если предложу ему выйти по разам при всех и выиграю, он заткнется. Ну, знаешь, чтоб по понятиям и, если что, отвечал за базар.

Я хмыкаю. Резонно, как, впрочем, и стратегия Дениса на выигрыш: сразу же атаковать правым джебом в корпус, и сле-

дом правым апперкотом в незащищённый подбородок.

Что-что, а моя техника ещё никогда не давала сбоев. И мне приятно, что Денис взял ее за основу, но тут важный нюанс - именно сила моего удара в тонну сто килограмм и моя скорость делают эту стратегию убийственной для противника. Пацан же, едва жмуший сотку в зале, даже без подножки, которую ему поставили в начале боя, все равно бы не вытянул его против восемнадцатилетней махины. Тем не менее, я не могу не отдать должное его смелости. Пусть он совсем еще бестолковый, дурной, однако, искренний в своем стремлении отстоять себя, мать, поэтому, когда я предлагаю ему приезжать ко мне пару раз в неделю тренироваться под моим началом, я думаю в этот момент не только о своем плане проникнуть в сокровенные части жизни моей дроли, но и о том, что мне этот пацан симпатичен, и я хотел бы приглядывать за ним, помогать по возможности и наставлять, чтобы больше не совершал таких опрометчивых поступков.

Денис после моего предложения загорается новогодней елкой и до конца поездки фонтанирует восторгом. Я тоже более, чем доволен: повод для разговора с моей неприступной крепостью найден - это ли не счастье?

Правда, мое счастье сдувает ветром, стоит только заметить лягушатника, мило воркующего с дролей. А уж после стычки с ней у машины забрало падает окончательно, и я забываю о том, что приехал мириться. Меня распирает от злости и раздражения, ее очередная трусость и вранье задевают

самолюбие так сильно, что я едва держусь, чтобы не выкинуть что-нибудь эдакое назло.

А что? Я же маленький мальчик, которого надо прятать. Ну, раз так, не обессудь. С этой мыслью я вошел в дом.

Дролечка, чувствуя мой настрой, нет-нет да косится настороженным взглядом.

«Правильно, любимая, продолжай бояться - это же твой ебучий муд по жизни!» - ухмыляюсь едко и, нагло подмигнув, пошло толкаюсь языком в щеку, а после со смаком отправляю в рот ложку черной икры, перекатывая ее на языке с таким кайфом, что белобрысая тетя напротив ханжески краснеет. Но я плевать хотел, главное - дроля смотрит, сглатывает тяжело и судорожно выдыхает, приоткрыв свой маленький, строгий ротик. И мне до алчности нравится наш зрительный контакт, смотреть в ее глаза - смотреть во мрак отчаяния и получать от этого какое-то садистическое удовольствие, которое вопреки всему деструктиву, кипящему в груди, дико возбуждает. Не зря дедуля Фрейд говорил: ничто не горит так жарко, как тайная любовь.

Как бы меня не бесил этот расклад, от него закипает кровь. Сейчас бы зажать дролечку в темном уголке и отыметь по-быстрому, задрав ей платье, пока чванливые родственники поднимают тосты, пестуя ее, как ответственную, правильную, порядочную, чуть ли не святую.

Я облизываю хрупкую фигурку жадным, похотливым взглядом и не могу скрыть насмешку, дроля меняется в лице

и опускает взгляд, мне же становится почти весело.

Забавно было бы понаблюдать, как меняются приторные рожи собравшихся, если бы они узнали, что я ее трахаю. Какие бы тогда, интересно, у них были тосты? Она осталась бы в их глазах по-прежнему ответственной, порядочной, правильной?

Увы, могу лишь предположить, ибо одобрение этих жалких кретинов, которым по сути плевать на всех, кроме себя, дролечка ставит выше меня, выше нас, и мне тошно от этого. Так тошно, что хочется встать и вместо тоста спросить:

— Ну, и стоит оно того? Стоит?

И пусть я прекрасно осознаю, что несет меня совершенно не туда, не могу остановиться. Бесит все, злит, душит.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.